

О роли приставок и суффиксов на ранних и поздних этапах истории славянского вида*

Björn Wiemer

1. Постановка вопроса

Ввиду того, что видовое противопоставление (НСВ : СВ) в славянских языках основывается на производстве основ и на классификации более простых и более сложных основ, получаемых словообразовательным путем (см. Схему 1), приставки в этой системе не могут рассматриваться отдельно от суффиксов. Это обстоятельство существенно как в ранней истории славянского вида, так и в последние столетия. В ранней истории продуктивное образование основ с помощью как префиксов, так и суффиксов создало морфологические условия для возникновения системы видового противопоставления, наблюдаемого в историческое время. Хотя словоклассифицирующие видовые системы можно обнаружить и в других точках мира (см. Аркадьев, Шлуинский 2015), славянская система выделяется на фоне не только мира, но и Евразии по тому, как в ней взаимодействуют префиксация и суффиксация (см. Wiemer, Seržant 2017).

По сравнению с предысторией возникновения славянской видовой системы роль приставок и суффиксов в эволюции этой системы на последних этапах иная, главным образом по следующей причине. После того как с морфологической точки зрения устоялась классифицирующая система основообразования, началось перераспределение приставок и суффиксов, т.е. стало меняться соотношение разных типов суффиксов и приставок в схемах образования видовых пар. В первую очередь, изменился удельный вес префиксации и суффиксации. Такое перераспределение отразилось также на оценке направления морфологической деривации, причем особое внимание следует уделить статусу видовых троек (см. §4).

Исходя из этих угловых моментов, я в статье делаю попытку сопоставить роль глагольных приставок на ранних и поздних этапах эволюции видовой

* Я хочу принести свою благодарность редакторам сборника за их терпеливость, Марии Мушениной и Светлане Славковой за языковую правку, а также двум анонимным рецензентам за ряд полезных замечаний. Само собой разумеется, что за возможные ошибки или недочеты ответственность несу один я.

системы. Изложение во многом останется эскизным. Я начну с обсуждения свойств видовых систем с точки зрения некоторых параметров грамматикализации и кратко обрисую устройство словоклассифицирующего вида с точки зрения морфологической структуры и функций (§2). Потом очень сжато представлю относительную хронологию функционального развития приставок и суффиксов (§3), чтобы на этом фоне посвятить больше места обсуждению ряда вопросов, связанных с ролью так наз. видовых троек (§4). Раздел 5 содержит итоги такого рода 'контрастивного анализа' ранних и поздних этапов развития славянской видовой системы, в частности, оценки роли приставок и суффиксов с точки зрения некоторых параметров грамматикализации.

2. Словоклассифицирующая система и славянский вид

В отличие от словоизменительного вида (напр., в романских языках), в словоклассифицирующей видовой системе противопоставляются не формы парадигмы одной глагольной лексемы, а формы из парадигм двух глагольных лексем, которые в подавляющем большинстве соотнесены друг с другом словообразовательными аффиксами (приставками или суффиксами); см. Плуноян 2011: 406-416; Аркадьев, Шлуинский 2015. Вследствие этого к тому или иному виду неизменно принадлежат все словоизменительные, а также нефинитные формы определенной глагольной основы. Следует учитывать ту меру, в которой пары лексем, соотнесенных таким образом с регулярными образцами основопроизводства, распределяются по достаточно четко предсказуемым и обобщаемым грамматическим контекстам, а в этих контекстах могут, или даже должны, заменять друг друга. Кроме того, необходимо, чтобы два разных инвентаря функций, по которым распределяются глагольные основы, определяли качества классов, а не отдельных пар лексем (или основ)¹. Иначе все лексемы *perfectiva tantum* и *imperfectiva tantum* оказались бы за бортом системы, а также нельзя было бы включить в систему супплетивные пары типа *класть / положить, ловить / поймать*. (Отметим, что само понятие супплетивизма предполагает систему, т.е. свод правил формального соотношения объединенных в пару форм.)

¹ В дальнейшем я, как правило, буду говорить об основах, поскольку показатели словоизменительных категорий не имеют значения, а в фокусе находится соотношение глагольных основ, связанных словообразовательными процессами. Часто уместнее говорить о лексеме, поскольку парные соотношения между основами, по сути дела, складываются между основами, представляющими какое-то одно лексическое значение (а если у основы более одного значения, то часто меняется и видовой партнер, или парная основа). По умолчанию «основа» относится к глагольной лексеме (и я надеюсь, что из контекста изложения это всегда будет ясно) или это различие как раз нерелевантно.

Рассмотрим вкратце способы образования пар НСВ : СВ (§2.1) и структуру инвентаря функций, которые могут различаться выбором НСВ или СВ (§2.2).

2.1. Формальная сторона

Упрощенная схема двух основных типов словообразовательных способов объединения глагольных основ в пары изображена в пунктах (а) и (b) в Схеме 1. Порядок следования от I. до III. следует понимать в диахроническом смысле. Важны следующие моменты. Во-первых, понятие видовой оппозиции предполагает продуктивные способы аффиксального расширения глагольных основ. Такие способы сложились еще в общеславянскую или даже в позднеиндоевропейскую эпоху (см. Wiemer, Seržant 2017: §3). Но, во-вторых, для того, чтобы образцы аффиксального расширения основ приобрели грамматический характер, необходимо, чтобы соотнесенные производящая и производная основы заменяли друг друга в дополнительных функциях, определяемых по грамматическим контекстам (см. §2.2). Возрастание дополнительного характера такого распределения касается в первую очередь классов основ, и только во вторую очередь отдельных пар основ, причем каждая из них относится к противоположному виду соответственно. Из этого вытекает, в-третьих, что так наз. видовые пары являются лишь своего рода крайней точкой развития, в ходе которого соотнесенные друг с другом производящие и производные основы разводятся по двум дополнительным инвентарям функций; см. III. в Схеме 1. Понятие пары предполагает возможность лексически точной замены, т.е. замены без модификации лексического значения, которая может оставить незатронутой и акциональную функцию (см. §2.4)².

Следует также иметь в виду, что инвентари дополнительных функций (см. III.) для глаголов СВ и НСВ не зависят от того, какая из основ (СВ или НСВ) является морфологически производной (т.е. более сложной). То есть в принципе не играет роли, образуется ли основа СВ от бесприставочной основы НСВ с помощью приставки (см. (а)) или, наоборот, основа НСВ от приставочного глагола путем добавления суффикса (см. (b)). По-видимому, современный русский литературный язык довольно тесно приблизился к такому состоянию: «профиль» поведения парных глаголов НСВ : СВ в соответствии с инвентарями функций в целом не зависит сколько-нибудь существенно от того, образуется ли эта пара по модели НСВ (simplex) \Rightarrow СВ или по модели СВ \Rightarrow НСВ (см. Janda, Lyashevskaya 2011). Нужно однако также учесть, что как раз в современном русском языке большинство пар образовано по модели СВ \Rightarrow НСВ (см. §4) и что почти всегда префиксация ведет к перфектива-

² Ср. понятие видовой нейтрализации, которое предполагает тривиальные условия видовой парности.

ции основ (см. §3.3). Именно высокая продуктивность модели СВ \Rightarrow НСВ (с сохранением лексического значения) рядом исследователей приводилась в качестве аргумента, чтобы считать русский вид словоизменительной категорией. Кроме того, Л. Янде и О.Н. Ляшевской ставили в упрек, что они четко не различали глагольные лексемы и вокабулы, так что не придерживались строгих критериев определения парности основ НСВ и СВ. Этот упрек послужил поводом, чтобы оспорить показательность результатов их исследования. См., в первую очередь, систематическую критику в Горбова 2015; 2017. В самом деле, Е.В. Горбова права в том, что обсчеты парности (а вследствие этого также и количества троек; см. §4) сильно зависят от четкости установления лексем и их отграничения от вокабул. Однако, насколько мне известно, до сих пор никто не пытался сформулировать процедуры, объясняющие, каким образом на массовом материале безошибочно устанавливать лексическое тождество глагольных основ (и, тем самым, их парность) для более ранних этапов эволюции русского (или любого другого славянского) языка (см. §4.1), а также при синхронном сопоставлении разных славянских языков. Наряду с этой ‘практической’ проблемой, требуется еще и выяснение хотя бы одного коренного теоретического вопроса, на который указала сама Е.В. Горбова: «окончательная оценка морфологии русского вида должна быть <...> дана в рамках общелингвистической теории парадигм» (Горбова 2017: 48).

Схема 1.

Оформление образцов видообразования

I. общеславянский период (и, вероятно, намного позже)	
– продуктивные модели словообразования:	
(i) первичные основы ₁ (simplicia)	\Rightarrow {приставки + основы} ₂
(ii) {приставочные основы} ₂	\Rightarrow {основы} ₂ + (вторичные) суффиксы
II. впоследствии	
– Реинтерпретация, приведшая к возникновению функциональных оппозиций между основами, соотнесенными словообразовательными средствами, но способными заменять друг друга в определенных контекстах без изменения лексического значения. В соответствии с возникшими функциональными оппозициями морфологически соотнесенные основы вступают в дополнительное распределение:	
(a)	НСВ (simplex) – СВ
(b)	СВ – НСВ
III. и в связи с этим	
– Установление двух противоположных классов глагольных основ. Каждый класс располагает своим инвентарем функций ³ :	
< F(НСВ) ₁ , F(НСВ) ₂ ... F(НСВ) _n >	vs. < F(СВ) ₁ , F(СВ) ₂ ... F(СВ) _n >

³ Эти инвентари в принципе соответствуют составу так наз. «канонических функций», описанных, например, в Lehmann 1999a для русского языка, а также «частновидовым функциям», известным из русской аспектологии.

Независимо от этих рассуждений разные исследователи приходили к выводу, что ‘соперничество’, которое наблюдается между основами НСВ в так наз. тройках, разрешается часто тем, что скорее за бесприставочными основами НСВ закрепляется процессная функция, тогда как многократное действие выражается основами НСВ, полученными вторичной суффиксацией (см. §4.2). Эти наблюдения свидетельствуют о том, что в случаях, когда у говорящего есть выбор между двумя основами НСВ, образованными по разным моделям, намечается некоторая тенденция к дополнительному распределению по частным функциям, приписываемым классу НСВ.

2.2. Установление инвентарей дополнительных функций

Своего рода функциональным дополнением к формальным образцам видообразования являются инвентари функций, которые устанавливаются в разнородных областях. Удобно представить их в виде матрешки или луковицы (см. Схему 2), отражающей предполагаемую диахроническую последовательность установления разнородных функций, важных для выбора вида. Такая модель является отправной точкой при строении гипотез о функциональном развитии видовой системы в разных славянских языках. В известном смысле предназначение луковицы можно сравнить с эвристической пользой семантических карт: у исследователя уже имеются основания, чтобы предположить определенную последовательность установления функций; этой последовательности и соответствует порядок «слоев» луковицы. Если в ходе эмпирической проверки обнаруживаются несоответствия с предположениями, «встроенными» в луковицу, в нее приходится внести поправки. То есть, модель луковицы нельзя считать сводом одних выверенных фактов; в ее устройство частично входят также и менее выверенные положения, а порядок слоев сам по себе порождает гипотезы, требующие эмпирической проверки.

Область в самом центре нужно считать исходной: она диахронически первична. Четкое различие основных акциональных функций входит в определение любой видовой системы (независимо от ее морфологического устройства)⁴. Чтобы можно было применительно к какому-либо языку говорить о виде, глагольные формы (словоформы или основы, в зависимости от морфологического устройства) должны надежно распределяться в обозначении разных типов ситуаций (событий, процессов и состояний) и вследствие этого в нарративных условиях сочетания глагольных форм надежно указывать либо на последовательность действий (ср. цепочку глаголов СВ: *Все сошлись на остановке, покурили и сели в автобус*), либо на хотя бы частичную их одновременность (ср. *Все стояли на остановке, курили и разговаривали*), либо на наступление события на фоне процесса или состояния (ср. *Когда курили, пришел автобус*, или *Когда садились в автобус*,

⁴ См. Comrie 1976; Маслов 1990, среди множества других авторов.

поздоровались с водителем)⁵. Если такие функции за глагольными формами (или основами) не установились, говорить о видовой системе вообще не приходится. При этом акциональные функции определяют выбор вида только при прочих равных условиях, их проявлению может помешать целый ряд других факторов (чему и посвящается большая часть последующего изложения). Но существенно то, что в отношении указанных акциональных функций, лежащих в основе определения любого типа видовой системы, между славянскими языками не наблюдается сколько-нибудь существенных различий. В этом факте можно усмотреть сильный показатель исходности главных акциональных функций.

К функциям, которые часто накладываются на исходные акциональные функции, относятся и функции внешней кратности (дискретной глагольной множественности; см. Храковский 1987); ср., например, *Часто он опаздывал; По утрам она проветривала комнату*. Их также обычно причисляют к центральным функциям вида, но по сравнению с основными акциональными функциями славянские языки обнаруживают между собой намного больше различий в области внешней кратности. См. Wiemer 2008: 399-402; 2015: 590-599, где представлен обзор части соответствующих фактов. Противоборство между акциональным характером ситуации и дискретной множественностью обуславливает одно из главных различий, членящих славянские языки на оси запад–восток: в то время как на востоке (т.е. в основном, в русском литературном языке) дискретная глагольная множественность, как правило, берет верх над различием акциональных черт высказывания, в языках на западе славяноязычной территории чаще доминантным над многократностью оказывается разграничение акциональных типов ситуации (см. Dickey 2000 среди многих других). Можно полагать, что славянские языки западной половины в этом отношении отражают более архаичное состояние системы (см. §3.3).

Итак, слои луковицы также отражают предположение, что более поздние функции (= верхние слои) накладываются на более ранние (= внутренние слои). Таким образом, модель луковицы служит для проверки гипотез о том, какие функциональные оппозиции более надежно закреплялись за выбором НСВ или СВ раньше других. Такое диахроническое расслоение имеет ареальное соответствие: есть основания полагать, что славянские языки в выборе вида различаются между собой в большей мере по тем функциям, которые больше отдалены от акционального ядра системы (т.е. от центра луковицы). Выше уже было сказано о глагольной множественности. Если подумать о более периферийных слоях, то многое свидетельствует о том, что, например, дискурсивные функции в русском языке оказывают заметно большее влияние на выбор вида, чем в западной половине Славии: предположение говорящего о том, что действие, к которому он побуждает с помощью императива, уже пресуппонируется в данной ситуации общения, в русском

⁵ См. Koschmieder 1934; Pollak 1960; вслед за ними такие «нарративные эффекты» стали общим местом в аспектологических анализах и пособиях.

языке служит довольно надежным фактором в пользу выбора НСВ (*Ну, что ты ждешь? **Начинай!***; (гости расселись за столом) ***Берите** печенье!*; см. Падучева 1996: 66-83). В других славянских языках пресуппозиция является менее сильным фактором (см. Venacchio 2010). Для выяснения того, как и насколько бóльшая или меньшая надежность этого фактора связана с другими факторами – особенно с находящимися в других «верхних слоях» луковицы, – требуются более систематические исследования.

Предполагаемые параллели между диахроническим развитием и степенью внутриславянской (т.е. в большой мере ареальной) дифференциации при выборе вида послужили поводом для разработки хронотопической модели славянского вида (см. Wiemer 2008; 2015).

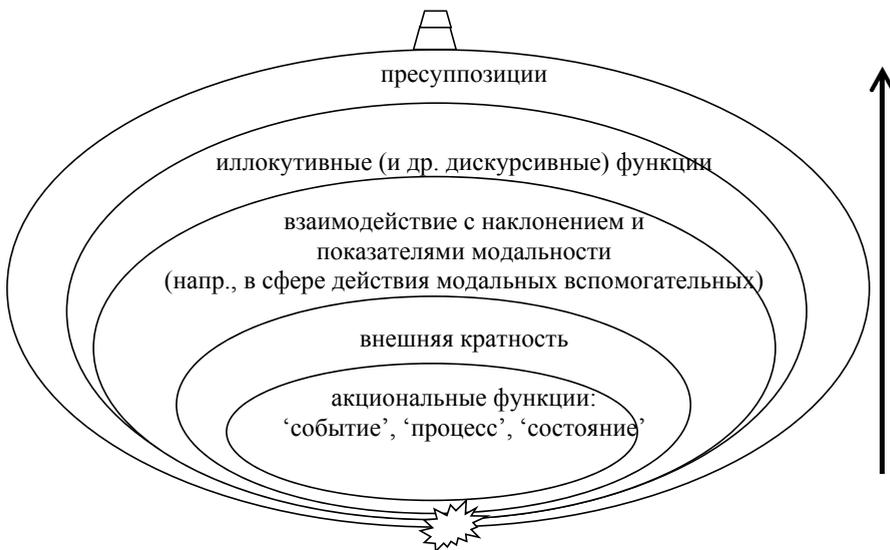

Схема 2.

Функциональные области, влияющие на выбор вида

2.3. Последствия для соотношения форм и функций

Из сказанного в §2.1-2.2 вытекает следующее. Основные свойства видовой системы в славянских языках определяются не столько функциями приставок (или суффиксов), взятых отдельно, сколько двумя, друг друга поддерживающими обстоятельствами: (а) продуктивностью самих образцов (а не отдельных морфем), ведущих к парам (см. (а) и (б) в Схеме 1), и (б) возрастающим дополнительным распределением функций, ассоциируемых с противочленами этих пар.

К системе, понимаемой таким образом, с трудом применяются стандартные параметры грамматикализации, сформулированные в Chr. Lehmann 1995. Эволюцию такой системы адекватнее было бы охватить с помощью критериев, сформулированных в V. Lehmann 1999b: 208, поскольку они опираются прежде всего на распределение функций и их соотношение с основами той или иной части речи. Критерии сформулированы в виде идеальных типов, т.е. они ориентируются на максимальное проявление каждого конкретного свойства⁶:

1. Известный состав функций распределяется на все основы данной части речи.
2. Формы и функции обязательны (т.е. их нельзя обойти).
3. Формы образуют максимально регулярные оппозиции.
4. Функции образуют максимально абстрактные оппозиции.

Эти критерии необходимо иметь в виду в дальнейших рассуждениях. Возникает вопрос, каким образом эти критерии связаны с ростом унификации видовой системы. В общем, рост унификации равнозначен уменьшению энтропии (хаоса). Это последнее проявляется следующим образом:

- А: Сокращается число приставок и суффиксов, которые продуктивно используются для образования видовых пар.
- Б: Сокращается число супплетивных пар (за счет регулярного способа образования).
- В: Сокращается число двувидовых глагольных лексем, т.е. таких основ, функциональное поведение которых оправдывает их принадлежность к обоим видам, и различия в инвентарях функций не маркированы словообразовательными аффиксами. (Важно осознавать, что само понятие двувидовых глаголов – так же как понятие супплетивизма – предполагает достаточно четко сложившуюся видовую систему.)
- Г: Сокращается число троек.
- Д: Сокращается число неопределенных лексем, которые остаются без эксплицитной маркировки фаз (начальной, конечной) или временной делимитации. Для такой маркировки используются приставки (ср. рус. *по-* для временной делимитации, *за-* для начальной, а *от-* для конечной фазы, например, *по-гулять*, *за-бегать*, *от-звенеть*).

В дальнейшем нас будут интересовать признаки А и Д, а специальное внимание будет уделено признаку Г (см. §4). Что касается Д, то известно, что особой продуктивностью в морфологическом обозначении фаз неопределенных действий обладает современный болгарский язык (см. Маслов 2004b: 120 и сл.). Западная часть Славии в целом характеризуется заметно меньшей последовательностью в морфологическом обозначении фаз неопределенных процессов, чем восточная (см. Dickey 1998; 2005;

⁶ Более подробно этот вопрос рассмотрен в Wiemer 2002; 2008: 388-390.

2011; Петрухина 2000), причем это положение кажется верным в отношении как *types* (т.е. лексем как словарных единиц), так и частотности на уровне текста (*tokens*).

2.4. Видовая парность и парадоксы в определении грамматического основопроизводства

В свете изложенного понятие видовой пары нужно рассматривать как проявление крайней степени заменимости СВ и НСВ в четко определенных грамматических контекстах, т.е. в тех случаях, когда (а) употребление одной или другой основы из определенной пары полностью предсказуемо (и в основном обязательно), причем (б) при замене не происходит никакого лексического сдвига. В этом смысле, как указал Ю.С. Маслов в своей классической работе Маслов 2004а [1948], парность опирается на тривиальные условия выбора вида, т.е. на лексическое тождество при изменении контекста, которое определяется другой грамматической категорией глагола или семантикой предложения на уровне клаузы или иллокуции. Самые известные из таких условий – это нарративное настоящее, (неограниченная внешняя) многократность и императив с отрицанием (по отношению к однократному действию). При этом следует помнить, что жесткие правила определения видовой пары формулировались для современного русского литературного языка и что, согласно упомянутой классической работе Маслова, тривиальные условия замены вида всегда определяются в направлении от СВ к НСВ. В частности, русские ученые, которые с 1980-х годов стали участвовать в возрождении и последовательном применении взглядов раннего Маслова на видовую парность, настаивают на том, что для грамматического характера русского вида существенна обязательная имперфективация (см. особенно Зализняк и др. 2015: 259 et passim, но также и Горбова 2017), которая продуктивно осуществляется путем вторичной суффиксации. Это фокусирование на вторичной суффиксации приводит к тому, что основы НСВ, которые относятся к неоспоримым видовым парам, но образованы по модели НСВ (*simplex*) \Rightarrow СВ (с приставкой), считаются результатом депрефиксации: исходной всегда считается основа СВ. Вместе с тем, те же авторы отказываются от возможности выведения видовых пар в обратном направлении (от НСВ к СВ), несмотря на то, что продуктивно образуются, например, делимитативы с помощью приставки *по-* от основ НСВ, обозначающих непредельные процессы (*работать* \Rightarrow *по-работать* и т.п.), и что именно эта словообразовательная модель, как правило, не приводит ни к какому изменению лексического значения делимитативов СВ по сравнению со своими производными базами НСВ.

Причины такого отказа двоякого рода – функционального и онтологического: условия тривиальной замены СВ на НСВ проверяются с помощью тестов, которые, по сути дела, показывают поведение глаголов в

синтаксическом окружении или в зависимости от других категорий глагола (см. выше). Для установления тривиальных условий видовой парности семантический анализ как раз несуществен, ‘диагноз’ о парности ставится лишь на основе распределения СВ и НСВ в разных грамматически релевантных контекстах; проверяется, может ли глагол НСВ заменять глагол СВ в событийном значении, конечно же, сохраняя лексическое тождество. При таком подходе к определению видовой парности лишен смысла вопрос, вносит ли приставка какой-то семантический вклад в значение исходного глагола или ее следует считать «пустой» (см. Зализняк и др. 2015: 93, 262), см. далее в §4.2.

Таким образом, мы пришли ко второй причине рассмотрения видовой парности только в направлении СВ \Rightarrow НСВ: важно то, чем соотношенные словообразовательными аффиксами глагольные основы ‘делятся’ между собой, а не то, что их различает лексически. Эта логика установления видовой парности весьма убедительно обосновывалась в работах Анны А. Зализняк и Алексея Д. Шмелева с середины 1990-х годов (впервые, видимо, в Зализняк, Шмелев 1997: 37-44, а в последний раз вся аргументация была воспроизведена в Зализняк и др. 2015: 52-60, см. также там же: 211-218). В рамках современного русского языка эта логика безукоризненна: это поиск способа определения пар основ НСВ и СВ, который не оставляет места для произвольного описания и не зависит от специфического (т.е. нетривиального) семантического соотношения между сопоставляемыми основами. Поэтому эти работы опираются на то, (i) как эти основы ‘реагируют’ в обобщаемых типах контекстов, т.е. какая основа заменяет другую, и (ii) что их объединяет лексически. Однако в дальнейшем оказывается, что критерий (i) – т.е. контекстная замена основ – на самом деле важнее критерия (ii), т.е. возможного лексического тождества обеих основ. Если бы было иначе, то делимитативные дериваты от неопредельных основ НСВ не оказались бы ‘за бортом’ парности. Поэтому для убедительной аргументации необходимо подключить третий критерий, а именно (iii) – онтологию явлений: глаголы НСВ в вышеназванных тривиальных условиях заменяют глаголы СВ для обозначения тех же событий; обратное невозможно, т.е. глаголы СВ не могут обозначать процессы или состояния. Импликацией такого подхода является учет только основ НСВ, семантика которых может включать внутренний предел (см. §3.1), а также тех основ НСВ, которые образуют с основами СВ только тривиальную пару (т.е. основа НСВ служит единственно как ‘событийный заместитель’ своего коррелята СВ), таких как *споткнуться / спотыкаться, упомянуть / упоминать, прийти / приходить*. (Характерно, что среди них нет пар из простой основы НСВ и ее приставочного деривата). Кроме того, нужно осознавать, что тесты, предлагаемые для установления тривиальной парности, ‘пристроены’ к современному русскому литературному языку; исследователи не задаются вопросом о том, в какой мере эти тесты дают надежные результаты в других славянских языках или даже в восточнославянских диалектах, где контекстов обязательной имперфективации может быть меньше.

3. Роль глагольных приставок в ранней и поздней системе

Перед тем как приступить к сжатому изложению роли приставок и суффиксов в эволюции славянского вида (§3.3), будет уместно уточнить ряд центральных понятий.

3.1. Предельность vs. перфективация

Термин ‘предельность’ я буду употреблять в узком смысле, т.е. в таком, как в русской аспектологии говорилось о внутреннем пределе: в значении глагольной лексемы заложен естественный предел, после достижения которого сопряженное с этим пределом действие дальше не может продолжаться. Глагольная лексема, не обладающая этим семантическим признаком, будет называться непредельной. Чтобы отличать внутренний предел от внешнего, т.е. чисто временного ограничения действия (с незаложенным или несущественным пределом), я буду пользоваться термином ‘(не)терминативный’. Терминативный глагол (или глагольная форма) может быть предельным или непредельным, во всяком случае вопрос о достижении какого-либо предела остается открытым. Изменение признака предельности я буду называть ‘телисизацией’ (соответственно ‘детелисизацией’ для обратного процесса), а изменение признака терминативности будет именоваться ‘перфективацией’ (соответственно ‘имперфективацией’ для обратного процесса). Пользуясь этой терминологией, я следую П.М. Аркадьеву, где эти терминологические разграничения были обоснованы (см. Аркадьев 2015: 20-28).

Рассмотрим краткие иллюстрации. Пример (1) представляет ситуацию с предельным, но нетерминативным предикатом, пример (2) – ситуацию с непредельными и нетерминативными предикатами, в то время как примеры (3-4) содержат терминативные предикаты; однако из них только в примере (3) предикат также и предельный, а в примере (4) выделенные предикаты непредельные:

- (1) Кирилл **писал** статью.
- (2) Кирилл **сидел** в комнате и **писал**.
- (3) Петя свою статью **написал**.
- (4) После завтрака я **посидел** и **пописал** за столом (потом собрал вещи и вышел).

Известно, что многие глаголы действия НСВ могут вести себя и как предельные, и как непредельные; сюда относится и *писать* (ср. также *есть*, *пить*, *читать*, *рисовать*). В современном русском языке поведение основ НСВ, колеблющееся между предельным и непредельным значением, обычно уточняется приставкой, с помощью которой образуется соотносительная основа СВ. Часто приставка *по-* образует непредельную терминативную ос-

нову (это уже упомянутые делимитативы), тогда как производные предельные (и терминативные) основы обозначаются с помощью других, причем разных приставок. Ср., например, *по-читать* (непредельный) vs. *про-читать* (предельный).

С точки зрения русского и других славянских языков тривиально звучит утверждение, что все глаголы СВ – терминативные, или, другими словами, что префиксация ведет к перфективации бесприставочной основы. Но этот факт становится намного менее тривиальным, если мы рассматриваем префиксацию в ареальном ракурсе языков Евразии, а также с диахронической точки зрения. Префиксы возникли из агглютинации некогда свободных морфем, уточняющих пространственную ориентацию. Эта довольно конкретная семантическая функция во многих языковых семьях превратилась в более абстрактную функцию введения внутреннего предела, т.е. приставки приобрели телесизирующую функцию. Однако в достаточно грамматикализованной системе распространение этой функции сопровождается развитием также и перфективирующей функции, согласно которой приставки приобретают способность обозначать всего лишь внешнее ограничение действия (или состояния). Важно, что перфективация происходит независимо от телесизации или от фокуса на лексически заложенном пределе (см. §3.2)⁷.

3.2. Функциональные типы приставок

Далее нужно уточнить классификацию приставок по типу выполняемой ими функции. Важно осознавать, что бесприставочные основы могут быть предельными. При предпосылках, которые называют Анна А. Зализняк и др., как раз это обстоятельство и служит основной (и, по сути дела, единственной) причиной включения бесприставочных основ НСВ в видовые пары с их приставочными дериватами (ср. *строить* ⇒ *по-строить*, *варить* ⇒ *с-варить*, *готовить* ⇒ *под-готовить* и т.д.); см. §2.4 и §4.2. Именно в отношении таких пар возникали споры по поводу так наз. «пустых приставок». Эти споры основываются на том, что, если приставочный глагол лексически не отличается от бесприставочного, то, на первый взгляд, приставка не вносит никакого семантического вклада в значение глагола, а служит всего лишь показателем СВ. Следует признать, что аргумент о «пустых приставках» оказывается ложным по той причине, что приставка может повторять (или подчеркивать) один из семантических компонентов, который уже заложен в значении бесприставочной основы. Этот феномен

⁷ Видимо, в литературе по вопросу имеют в виду именно это обстоятельство, когда утверждается, что приставки являются грамматическими показателями предельности (напр., «Russian prefixes can be viewed as grammaticalized telicity», см. Kuznetsova, Sokolova 2016: 217). Такое обобщение можно признать адекватным, если на самом деле иметь в виду перфективирующую функцию.

называется «эффектом Вея-Схонефельда», вслед за работами Vey 1952; van Schooneveld 1958.

Если в результате префиксации этот эффект наблюдается, то получаемые глаголы СВ будут называться ‘естественными перфективами’. Они отграничиваются от ‘специализированных перфективов’, под которыми подразумеваются случаи, когда приставка лексически модифицирует исходное значение бесприставочной основы (например, за счет пространственной ориентации). Я пользуюсь здесь терминами Л. Янды (см., например, Janda et al. 2013) просто для разграничения типов влияния приставок на лексическое значение глаголов (см. дальше в §4.2). Третий тип приставок реализуется в уже упоминавшихся делимитативах⁸. Их функция сводится только к ограничению действия временным пределом, и в этом смысле этот тип приставок является самым абстрактным (и, наверное, лексически пустым). Поэтому, если следовать вышеизложенным рассуждениям о диахронической последовательности появления этих типов приставок, то следует полагать, что делимитативы установились самыми последними (а во многих языках с классифицирующей видовой системой не установились вообще); см. Схему 3 и Аркадьев 2015: 201. Однако в данный момент вопрос этот решить однозначно нельзя.

3.3. Хронология функциональных типов приставок и суффиксов

Этот подраздел опирается на результаты статьи Wiemer, Seržant, 2017: §3.2⁹, где читатель, кроме деталей, найдет релевантные ссылки. Здесь же количество ссылок будет доведено до минимума.

Глагольные приставки и суффиксы различаются не только с точки зрения их роли в видовой системе современных славянских языков; они различаются и в отношении диахронной преемственности: в индоевропейских языках приставки намного более ‘молодое’ явление, чем суффиксы. Несмотря на то, что как раз наиболее употребительные суффиксы, используемые для расширения основ и образования глаголов НСВ в современных славянских языках ({iva/yva}, {va}, {ova}), могут считаться результатами сращения или реанализа более древних суффиксов, сами схемы расширения основ с помощью суффиксов восходят к протоиндоевропейским предтечам общеславянского диалектного континуума. По сравнению с этими схемами приставки появились значительно позже. Они являются результатом агглютинации некогда свободных морфем в основном наречного или именного происхождения. Процессы клитисизации и агглютинации превербов индоевропейских и неиндоевропейских языков Европы, включая ее окраины

⁸ Л. Янда и другие ученые из Норвегии (см., например, Eckhoff, Naug 2015) для этого типа приставок ввели термин ‘procedural / mensural prefixation’.

⁹ Главные выводы по суффиксации, прежде всего по увеличению роли конкатенативного состава морфем в основах (см. ниже), были сделаны И.А. Сержантом.

(например, Кавказ), очень распространены. Относительно свободные превербы известны и сегодня, например в немецком и латышском. Но только в меньшинстве из более древних индоевропейских языков продуктивное употребление превербов или, уже, приставок привело к возникновению видовой системы, в которой приставки систематически служат не только телисизации, но и перфективации¹⁰. Более того, из индоевропейских языков только в славянских сочетаются префиксация и суффиксация как продуктивные приемы расширения основ, благодаря которым меняется только акциональный характер действия, а валентностные свойства и аргументная структура могут оставаться незатронутыми. Правда, та же особенность наблюдается в литовском, но есть основания полагать, что такая ситуация сложилась лишь относительно недавно под восточнославянским влиянием (см. Аркадьев 2015: 125-131; Wiemer, Seržant 2017: §5.4).

Итак, суффиксы как словообразовательный прием намного старше приставок, и они неоднократно обновлялись по исконным схемам. Если сравнить приставки и суффиксы, которые продуктивны поныне, то трудно установить их относительную хронологию. Даже самые молодые суффиксы, видимо, сложились еще в дописьменную эпоху (см. Шевелева 2010: 200-203). Но по сравнению с исходным состоянием в позднем протоиндоевропейском количестве частных схем расширения глагольных корней заметно уменьшилось. Одновременно уменьшились аблаутные и другие нелинейные (англ. non-concatenative) способы изменения корней и основ; соединение основ с суффиксами все больше следовало линейному способу, тем самым становясь более 'прозрачным'. С семантической точки зрения, суффиксы выполняли роль имперфективаторов, т.е. они служили представлению обозначенной глагольной основой ситуации в отвлечении от границ, либо заложенных, либо чисто временных (см. §3.1). Эта функция сложилась, видимо, еще в общеславянский период, и это 'функциональное преемство' оказалось устойчивым на протяжении всех дальнейших периодов после того, как установилась телисизирующая префиксация (см. ниже).

Перейдем теперь к приставкам. В самом кратком виде их функциональное развитие протекало по следующим стадиям (см. Схему 3). Приставки, изначально выступали как модификаторы лексического значения глагольных основ, причем не только в смысле пространственной ориентации (= стадия (0)). Можно также предположить, что в большинстве случаев приставки служили ограничителями глагольного действия в том смысле, что обозначали тот или иной естественный предел описываемого действия. Ср., например, церковнослав. *и-ти*, которое могло относиться как к предельному, так и к непредельному движению, в отличие от *вън-и-ти*, *прѣ-и-ти*, которые обо-

¹⁰ Наиболее систематическое исследование по разным типам превербов, их ареальному распространению и их роли в формировании видовых систем можно найти в Аркадьев 2015; см. также Arkadiev 2014. Систематический обзор по древним индоевропейским языкам Европы был представлен в Wiemer, Seržant 2017: §5.

значали только предельные ситуации (см., например, Maslov 1959; Силина 1982: 163; Vermeel 1997: 466). На этой стадии часто обе основы (как без приставки, так и с ней) могли употребляться в контекстах, типичных как для имперфективов (напр., процесс) так и для перфективов (напр., законченное действие), т.е. тенденция к функционально дополнительному распределению еще не была особенно выражена. На данной стадии (= (i) в Схеме 3) приставки выполняли телисизирующую функцию. Они присоединялись к глагольным основам вследствие семантического соответствия с одним из компонентов значения бесприставочной основы. Это уже упомянутый эффект Вея-Схонефельда. Он дает естественное объяснение тому факту, что в телисизирующей функции укреплялись самые разные приставки, которые не изменяли лексическое значение основы. Правда, определить границу между эффектом Вея-Схонефельда и лексической модификацией бывает трудно, и эта трудность продолжает сказываться на современном материале (см. §4.2).

Следующий шаг состоял в том, что приставочные основы все больше фокусировались на внутреннем пределе (= стадия (ii) в Схеме 3). Этот шаг можно понимать и как конвенционализацию имплицатуры: достижение предела уже не только предполагалось по умолчанию, но оно стало неаннулируемым компонентом значения приставочных глаголов. Такой шаг способствовал развитию взаимоисключающих контекстов употребления приставочных основ и их бесприставочных баз, хотя между обоими типами соотносительных основ с самого момента распространения префиксации наблюдалась асимметрия: бесприставочные основы могли обозначать предельные и неопредельные ситуации и, кроме этого, они продолжали употребляться для ситуаций, когда предел мог 'додумываться' как достигнутый, т.е. для тех ситуаций, которые стали 'законной' сферой употребления приставочных дериватов. На этом основании бесприставочные основы до сих пор могут во многих случаях обозначать события, а не только процессы, и, тем самым, переосмысляться как 'заместители' основ СВ в случаях, когда – по независящим причинам – эти последние заблокированы (см. §4).

Последний шаг в сторону установления современной видовой системы нужно усмотреть в том, что приставки стали присоединяться также к неопредельным основам. В таких случаях приставки не могли выполнять функцию телисизации, связанной с эффектом Вея-Схонефельда, а всего лишь перфективации: они обозначали чисто временное ограничение действия, но не естественный предел (= стадия (iii) в Схеме 3). Тем самым, функции приставок стали 'эмансипироваться' от предельности и вообще от акциональных характеристик бесприставочных основ.

Как известно, эта чисто перфективирующая функция более последовательно проявляется в восточной части Славии, в то время как в западной части функциями вида в большей степени управляют акциональные (т.е. лексически обусловленные) свойства глагольных лексем (см. Dickey 2000; Петрухина 2000).

Рассмотренные выше функции приставок представлены в Схеме 3. Периоды, указанные во втором столбце справа, задают всего лишь приблизи-

тельные рамки. Более существен их порядок следования. В самом правом столбце приводятся условные наименования типов приставок вместе с их эквивалентами, которые начали использоваться в англоязычной литературе (вслед за работами Янды; см. сноску 8).

Схема 3.

Функциональное расширение приставок: доисторический и ранние периоды (до конца XIV века?)

(0)	лексическая модификация: пространственная и другая	ранний общеславянский (свободные провербы > приставки)	лексические приставки (specialized sortal)
(i)	телисизирующая функция: выделение лексически заложенного компонента, связанного с внутренним пределом (эффект Вея-Схонефельда)	общеславянский	естественные приставки (natural sortal)
(ii)	конвенционализация фокуса на пределе действия	общеслав. и ранние исторические периоды	
(iii)	перфективирующая функция: внутренний предел или временное ограничение	поздние периоды, но преимущественно в восточной половине Славии	делимитативные приставки (procedural / mensural)

Теперь вернемся к суффиксам. Выше указывалось на то, что между бесприставочными основами и их приставочными дериватами создавалась заметная асимметрия: в то время как приставочные дериваты все больше тяготели к фокусированию предела действия, бесприставочные основы могли обозначать все остальное, включая ситуации, в которых речь шла о достижении предела. Оба типа основ были способны обозначать также многократные ситуации, однако основы СВ (т.е. почти всегда приставочные) из этой функциональной области стали постепенно вытесняться, прежде всего в восточной половине Славии (ср. например, Bermel 1997). К тому же, как указывал еще Maslov 1959, глаголы с приставкой, которая удаляла их лексически довольно сильно от их бесприставочных баз, стали нуждаться в коррелятах НСВ, которые могли служить их лексическими ‘заменителями’ в контекстах, для которых приставочные основы все более переставали быть пригодными. Поскольку суффиксация сохранялась как удобный способ расширения глагольных основ, то она и стала применяться как средство для решения этой ‘задачи’; ср. примеры типа *бити* ⇒ *у-бити* ⇒ *у-би-ва-ти*.

Таким образом возникла так наз. вторичная суффиксация, которая по изложенным здесь системным причинам автоматически стала продуктивным образцом, известным как вторичная имперфективация. Она уходит корнями в дописьменную эпоху. Согласно Eckhoff, Haug 2015, в Codex Marianus и Codex Zographensis количество пар по типу ‘простая основа ⇒ приставочная основа’ (46, напр. *учити* / *научити*) почти равнялось количеству пар по ти-

пу ‘приставочная основа \Rightarrow вторичная суффиксация’ (49, напр. *оставити / оставляти*). О весьма ранней продуктивности вторичной имперфективации в восточнославянском ареале можно судить по Bermel 1997: 271; Шевелева 2010. Согласно Andersen 2009: 131, частотность вторичной имперфективации в восточнославянском ареале резко поднялась в XIII веке, и этот рост начал падать только относительно недавно (см. также Mende 1999: 314 и сл.). Конечно, нельзя исключить возможность того, что с тех пор процесс вторичной имперфективации периодически активизировался (а потом снова замедлялся), также в других славянских языках. Например, в результате корпусного исследования Горбова (2016: 156) сделала вывод, что на протяжении XVIII – начала XXI столетия вторичная имперфективация “является относительно стабильным и достаточно регулярным явлением”, с отдельными перепадами. В общем, вряд ли можно полагать, что взаимодействие функционального развития и относительной продуктивности отдельных образцов расширения основ укладывалось прямолинейно и без зигзагообразных перепадов. Слишком много деталей пока еще требует тщательного изучения. В частности, не исключено, что многие простые основы продолжали находиться в прямой функциональной оппозиции с производными от них основами СВ (с приставками) или же снова вошли в такую оппозицию. Если к этим дериватам были образованы дальнейшие дериваты с помощью суффиксов, то легко могли сложиться тройки (см. §4).

С точки зрения третьего из параметров Ф. Леманна (см. §2.3) рост продуктивности вторичной имперфективации придает видовой оппозиции бóльшую степень грамматичности, но только по мере того, как этот способ основопроизводства приходит на смену образцу НСВ (simplex) \Rightarrow СВ (с приставкой), вытесняя его полностью. До этого не дошло. С точки зрения дополнительного распределения, связанного больше всего с первым параметром Ф. Леманна, параллельное существование образцов основопроизводства (НСВ (simplex) \Rightarrow СВ и СВ \Rightarrow НСВ) можно оценить как «плюс» для степени грамматикализации, если в возможно большем количестве случаев наблюдается, что две основы НСВ, соотносительные с одной и той же основой СВ, между собой вступают в стабильное дополнительное распределение по функциям, входящим в общий инвентарь функций НСВ. Как видно, однозначного ответа на вопрос о «грамматичности» вторичной имперфективации быть не может; ответ усложняется хотя бы тем, что с парными отношениями между простой основой НСВ и его эквивалентом СВ все-таки еще приходится считаться.

Тем самым мы переходим к обсуждению троек.

4. Значимость видовых троек и их устранения

Видовыми тройками называется явление, когда одной основе СВ соответствуют сразу две основы НСВ, из которых одна основа – простая, а другая получена путем вторичной суффиксации из приставочной основы, и

обе основы НСВ могут претендовать на парность с основной СВ; ср., например, рус. *лечить* – *вылечить* – *вылечивать*, *мешать* – *смешать* – *смешивать*, пол. *tworzyć* – *stworzyć* – *stwarzać* ‘создавать’, *szacować* – *oszacować* – *oszacowywać* ‘оценивать, прикидывать’. Разумеется, о таких тройках можно говорить лишь применительно к лексемам, а не глагольным вокабулам в целом (см. сноску 1). Для определения троек решающее значение имеет установление семантической близости между простой основой НСВ и основной СВ, или иными словами, вопрос, связывается ли приставка с эффектом Вея-Схонефельда или с более далеко идущей модификацией значения простой основы (см. §4.2).

4.1. Диахронический фон

Прежде чем обратиться к этому вопросу, рассмотрим факты из диахронии. Возникновение троек нужно отчасти оценивать как следствие все усиливавшегося процесса суффиксации. Как было сказано в §3.3, рост частотности вторичной имперфективации обычно объясняют тем, что к приставочным основам СВ, значение которых слишком отдалялось от значения простых основ, нужны были лексически более точные эквиваленты НСВ, которые могли бы представлять данный лексический концепт в грамматических функциях, из которых основы СВ все более вытеснялись. ‘Решение’ состояло в использовании имеющихся суффиксов, которые расширяли приставочные основы СВ, так что их лексические концепты оказались представленными также в НСВ.

Нам не хватает достоверных данных, которые позволяли бы понять, как простые основы НСВ соотносились функционально с основами НСВ, полученными вторичной суффиксацией, с того момента, когда стала нарастать продуктивность вторичной суффиксации¹¹. То есть, пока трудно судить, всегда ли ‘соперничали’ две основы НСВ в своем праве быть наиболее близким лексическим эквивалентом основы СВ. Возможно, что значение простой основы НСВ на какое-то время заметно отдалялось от значения приставочного деривата, а их ‘лексическое сближение’ произошло лишь впоследствии. Более того, некоторые ученые пытались доказать, что в тройках типа *чистить* – *очистить* – *очищать* бесприставочная основа НСВ появлялась позже двух остальных, т.е. что депрефиксация являлась диахронически реальным процессом. Однако, насколько мне известно, убедительные доводы в пользу этого утверждения приводились только в отношении основ с инхотативным суффиксом {nɔ} (например, церковнослав. *сѣх-nɔ-ti*, полученное из пары *u-sѣх-nɔ-ti* / *u-syx-a-ti*) и нескольких предельных основ (например, *тырѣ-ti* засвидетельствовано позже, чем *u-тырѣ-ti* / *u-mir-a-ti*), а также

¹¹ См. анализ в Bermel 1997: 270-279, 425-442 на выборке простых основ и их эквивалентов, характеризующих вторичной суффиксацией.

в отношении каузативных глаголов, образованных от прилагательных или существительных; ср., например, пол. *pełn-i-ć*, которое не было прямым образом образовано от *pełn-y* 'полный', а появилось только на основании пары *s-pełn-i-ć / s-pełni-a-ć* 'выполнить/выполнять' (также *zaparz-y-ć / zaparz-a-ć* ⇒ *parz-y-ć* 'завари(ва)ть', *zarecz-y-ć / zarecz-a-ć* ⇒ *recz-y-ć* 'поручить/поручать')¹². Конечно, такие доводы должны нас настораживать при оценке исторического материала, но вряд ли депрефиксация имела место в случае первичных глаголов, таких как *рвать*, *точить*, *лить*, *лечить* и многих других, которые относятся к общему славянскому словарному фонду, не были образованы ни от каких других частей речи и часто приводились в связи с видовыми тройками.

В статье Авилова 1964 обсуждался обширный материал с конца XVIII и начала XIX веков, который свидетельствует о том, что в русском языке этого времени простые основы употреблялись с довольно диффузным лексическим значением, которое покрывало значение приставочных основ современного языка. Среди этих основ встречаются как первичные, так и производные от других частей речи. Ср. примеры:

- (5) *Я не могу не казать ему писем ваших.* ср. *показывать*
(А.И. Плещеева А.М. Кутузову, 21.4.1791).
- (6) *злоупотребление крыли от покойного императора.* ср. *скрывали*
(А.А. Марлинский, «Об историческом ходе свободомыслия в России»)
- (7) *Вздохи теснили грудь мою.* ср. *стесняли*
(Карамзин, «Остров Борнгольм»)

Для следующих простых основ Авилова установила такие соответствия со вторично суффицированными основами современного языка:

- (8) *бодрить* ⇒ '1. придавать силы, 2. укреплять дух' (ср. *подбадривать*)
казать ⇒ *указывать, показывать, оказывать*
крыть ⇒ *скрывать, укрывать, покрывать, закрывать*
слать ⇒ *посылать, присылать*
клонить ⇒ *склонять, наклонять*

Подобные примеры можно обнаружить в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (вторая половина XV в.). Здесь я приведу только два (из НКРЯ):

- (9) *Да пеших пускают наперед (...). А к слоном **вяжут** к рылу да к зубом великие мечи.*
- (10) *А **бреют** на себя всё волосы (...).*

¹² См. Nёмес 1958: 81-85; Śmiech 1986: 124 и сл., а также критический филологический анализ в Bertmel 1997: 269 и сл.

Такие данные имеют отношение к тройкам постольку, поскольку уточнение действия, проявлявшегося диффузным образом в значении простой основы, перешло и на основы НСВ со вторичным суффиксом, которые способны служить точными лексическими ‘копиями’ приставочных основ СВ. Если рассматривать приведенные примеры с позиций современного языка, то они дают представление о том, что диффузность значения простых основ НСВ колебалась между вариантами значения (напр., *казать* ≅ ‘показывать’, ‘указывать’) и полисемией (напр., *вязать* ≅ ‘привязывать’) – другими словами, что приставки в сегодняшних эквивалентах этих простых основ либо уточняют заложенное в простой основе значение (эффект Вея-Схонефельда), либо его модифицируют, производя некий сдвиг значения¹³. Соответственно, диффузное значение простых основ, наблюдаемое в более ранние периоды, в современном языке уточняется с помощью либо естественных, либо специализированных перфективов (и их дериватов НСВ, полученных вторичной суффиксацией).

Нужно подчеркнуть, что подобный диапазон диффузных значений (и их уточнение) сам по себе не зависит от вида или даже от аспектуальных функций каких-либо глагольных форм. Лексическая диффузность, переходящая иногда в полисемию, наблюдается также в ‘безвидовом’ немецком языке. Ср. следующие примеры с глаголами *stecken* ≈ ‘вставлять, вкладывать’ и *strecken* ‘про-/вы-/рас-тягивать’:

- (11) [в автомате для карточек парковки]
Bitte Karte stecken!
 ‘Пожалуйста, **вставьте** карточку [досл. *ставьте, деньте*]!’
- (12) *Er hat ihr gesteckt, daß...* (= *zu-ge-steckt* ≈ ‘тайком передал информацию’)
 ‘Он ей по секрету / тайком **сообщил**, что...’
- (13) *Du mußt die Hand strecken.*
 ‘Тебе нужно **тянуть** руку.’

В (11) параметр направления (внутри автомата) только имплицитруется; его можно уточнить с помощью отделяемой приставки (*hinein-stecken*). В таких случаях уточняется, но не изменяется лексический концепт. То же самое имеет место в (13), только здесь – без знания контекста – непонятно, нужно ли вытянуть руку вперед (например, как часть утренней зарядки, *aus-strecken*), протянуть ее куда-то (*vor-/durch-/hin-strecken*) или поднять высоко вверх (например, на уроке в школе, *aus-/hoch-strecken*). Этот параметр каждый раз может уточняться приставкой, но (13) звучит естественно в любой из представленных здесь ситуаций и никакого недоразумения возникнуть не должно. В (12) ситуация выглядит немного иначе: здесь лексический концепт испытывает перенос в другую область, поскольку, в отличие от (11), речь идет не о конкретном физическом дей-

¹³ Понятия диффузности и модификации используются здесь в соответствии с Lehmann 1999b: 232-241.

ствии, а о речевом акте (передаче информации). Но и для этого типа действия, производного от конкретно-пространственного, можно обойтись без приставки.

Славянские языки от немецкого отличаются тем, что массовое лексическое уточнение с помощью приставок содействовало развитию грамматической оппозиции, потому что постепенно функции основной массы бесприставочных основ и их приставочных дериватов стали распределяться по дополнительным акциональным (а потом и по другим) функциям. И тем самым они были переосмыслены как представители двух противоположных грамматических классов (НСВ : СВ). Это переосмысление в большой мере свелось к устранению акциональной диффузности (процесс vs. событие и т.д.), в то время как этого не произошло, например, в немецком языке. Кроме того, в немецком нет и не было продуктивных суффиксов, расширяющих приставочные основы, так что тройки не могли возникнуть уже по чисто морфологической причине.

4.2. О видовых тройках в современном русском языке

Рассмотрим теперь тройки в современном русском литературном языке, точнее биимперфективные видовые тройки, под которыми Анна А. Зализняк и коллеги подразумевают случаи, когда «на роль имперфективного коррелята претендует сразу два глагола» (Зализняк и др. 2015: 58 и сл.), т.е. одна простая основа и одна основа, полученная в результате вторичной суффиксации.

В принципе рассуждения относительно русского языка могут быть перенесены на почву других славянских языков, которые (не только в отношении троек) значительно менее изучены. Я не исключаю – а скорее даже считаю весьма вероятным, – что в других славянских языках видовые тройки играют меньшую роль, а именно в зависимости от того, насколько в них вторичная имперфективация окажется менее распространенной. Требуется сначала установить, как в отдельных славянских языках складываются семантические отношения между простыми основами НСВ и производными от них приставочными основами СВ, а точнее, обуславливает ли в них меньшая продуктивность вторичной суффиксации большую долю естественных перфективов, т.е. таких приставочных основ СВ, которые с простыми основами НСВ вступают в отношения видовой парности (и при этом не образуют троек). Вопрос этот открыт не только (и не столько) потому, что следовало бы начать с тщательного изучения основного массива словника глагольных лексем этих языков (наподобие работы Анны А. Зализняк и др., а также – группы Л. Янды; см. ниже), сколько потому, что нужно решить, насколько условия видовой парности, формулируемые на основании критерия Маслова (см. §2.4), адекватны для других славянских языков. В западной половине Славии тесты на основании критерия Масло-

ва могут оказаться гораздо менее надежными (прежде всего в контекстах неактуального настоящего времени и многократности).

Итак, на тему видовых троек в последнее время было опубликовано немало работ¹⁴, систематически обсудить которые здесь нет возможности. Я сосредоточусь на оценке значимости видовых троек на диахроническом фоне, который до сих пор на удивление мало или вообще не подвергался научному исследованию. Кроме того, я хочу показать, что, помимо целого ряда разногласий по методологии и некоторым частным вопросам между двумя противоборствующими лагерями существует целый ряд общих, причем даже центральных (пусть и не всегда совсем явных) исходных положений. Эти положения, в конечном итоге, оказываются релевантными для диахронной и ареальной оценки троек. Главными участниками в дискуссии стали Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев и И.Л. Микаэлян, с одной стороны, и исследовательская группа Л. Янды, с другой (см. сноску 14). Как одни, так и другие осознают, что видовые тройки в современном русском языке не маргинальное, а весьма системное явление. Также никто из них не оспаривает тот факт, что грань между 'настоящей парой' и лексическим отрывом между производящей простой основой НСВ и ее приставочным дериватом СВ во многих случаях зыбка. Тогда вопрос сводится к тому, включается ли такая пара в состав собственно видовых или нет.

Соответственно никто в спорах о видовой парности и видовых тройках не отрицает, что критерии замены одних форм другими в определенных контекстах приводят к градуальным результатам. Однако градуальность понимается не совсем одинаково. Так, например, Анна А. Зализняк и И.Л. Микаэлян считают, что «списка видовых пар русского языка не существует. [...] составление «жесткого» списка видовых пар в русском языке – задача не слишком реалистичная, хотя бы потому, что применение критерия Маслова дает градуальный результат» (Зализняк, Микаэлян 2012: 53). Зализняк и коллеги относят градуальность к степени тождества лексического значения, т.е. она определяется как семантическое свойство, которое должно отражаться в толковании глагольных лексем. Дополнительно может учитываться степень конвенционализации событийного значения у НСВ и ряд других показателей (см. Зализняк и др. 2015: 239-241, а также 281 и сл.). Вместе с тем, эти ученые отдают себе отчет, что разные носители языка могут дать различные ответы на вопрос о возможности замены глагола СВ глаголом НСВ в тривиальных условиях (по критерию Маслова). Такую межсубъектную вариативность учитывают также исследователи группы Янды (см. Кузнецова, Янда 2013: 95). Однако они понимают градуальность также как свойство совокупности грамматических контекстов, к которым применяется критерий Маслова. Они использовали этот критерий для максимального количества возможных контекстов, и маргинальными парами считались все случаи, в которых основа СВ могла заменяться основой НСВ лишь в одном

¹⁴ См. Апресян 1995; Janda *et al.* 2013; Зализняк и др. 2015, где можно найти много релевантных для истории этого вопроса ссылок.

типе контекстов (см. Кузнецова, Янда 2013: 92). Из этой процедуры вытекал следующий вывод: «Если для того, чтобы признать два глагола парой, достаточно только одного контекста, в котором глаголы НСВ и СВ будут взаимозаменяемы, то такие контексты могут оказаться маргинальными [...]». Если же принять, что для признания двух глаголов парой необходимо, чтобы можно было заменить глагол совершенного вида на глагол несовершенного вида во всех контекстах, очень может быть, что в русском языке не найдется ни одной такой пары, потому что [...] наборы конструкций, в которых употребляются глаголы СВ и НСВ, не бывают идентичными» (Кузнецова, Янда 2013: 89). Этот факт в принципе признается и группой оппонентов (см. Зализняк и др. 2015: 214 и сл., 276, 279 и сл.). Эмпирическое подтверждение правомерности высказанных выше положений можно найти в статье Kuznetsova, Sokolova 2016: 225 и сл.

Далее. Очевидно, что решение о том, что именно следует признать видовой тройкой, тесно связано с вопросом, какая основа СВ может считаться естественным перфективом. В этой связи стоит отметить, что из 19 русских глагольных приставок, выделенных в Кронгауз 1998: 79, только 5 (*в-*, *до-*, *над-*, *пере-*, *под-*) практически не участвуют в образовании пар, в которых НСВ представлен простой основой, а СВ – ее приставочным дериватом (который, тем самым, признается естественным перфективом). Остальные приставки характеризуются огромным разбросом по *type frequency* (см. Janda et al. 2013: 14-17), и у самых частотных (*по-*, *с-*, *за-*, *о(б)-*, *на-*) семантическая мотивация во многих случаях могла стереться настолько, что бывает трудно связать их вклад в значение основы с эффектом Вея-Схонефельда.

Можно полагать, что состав приставок, способных образовать естественные перфективы, в современном русском языке, по сравнению с прежними состояниями, не уменьшился. Уменьшились, скорее всего, только количество и вариативность разных приставок, которые в применении к одной и той же простой основе могли (и могут) образовать естественные перфективы¹⁵. Следы такого бывшего состояния остались даже в современном русском литературном языке (ср., например, *от-/по-благодарить*, *разо-/обо-злиться*).

Правда, Зализняк и др. (2015: 213, 230) допускают континуум семантических отношений между парами, из которых как бы складываются тройки: «от полной синонимии двух имперфективных коррелятов до их дополнительного распределения». Это утверждение следует понимать, как в смысле функционального распределения (основы НСВ могут проявлять тенденцию к употреблению в разных функциях, ассоциируемых с НСВ, как например, процессной vs. многократной), так и в плане лексических различий. Что касается функциональных различий, то с помощью статистической проверки распределения глаголов НСВ в корпусе было установлено, что в нарративном настоящем и при обозначении многократных действий пре-

¹⁵ К такому выводу можно прийти, например, при сравнении вариативности приставок в старопольском и современном польском языке (см. Witkowska-Gutowska 1999).

обладают вторичные имперфективы, в то время как в императиве под отрицанием предпочтение в среднем отдается бесприставочному имперфективу (Kuznetsova, Sokolova 2016). Этот результат совпадает с более ранними наблюдениями, приводимыми в Зализняк и др. (2015: 59 и сл., 270), которые касались только отдельных троек: простая основа НСВ тяготеет к обозначению (предельного) процесса, тогда как вторичный имперфектив – к событийному значению, а точнее, к обозначению законченности действия. Но такой результат также соответствует точке зрения, согласно которой одним из мотивов появления вторичных имперфективов в истории восточнославянских языков была необходимость обозначения многократных действий, в том числе для действий, внутренний предел которых достигался при каждом отдельном действии (см. §3.3).

Что касается лексических различий между членами (мнимой или настоящей) тройки, полезно сравнить два, казалось бы, крайних полюса семантических отношений между членами троек. См. примеры:

- (14) *жечь* – *с-жечь* – *с-жиг-а-ть* (I)
рвать – *вы-рвать* – *вы-рыв-а-ть*
 (15) *варить* – *с-варить* – *свар-ива-ть* (II)
ставить – *по-ставить* – *поставл-я-ть*

Зализняк и др. (2015: 59) указывают на то, что примеры типа (I) и типа (II) представляют собой две различные разновидности троек. Только тип (I) представляет собой настоящие тройки; в типе (II) как бы вставлены друг в друга две пары, для которых внешне совпадает основа СВ. На самом деле, примеры по типу (II) нужно рассматривать как две отдельные лексемы: *сварить*₁ – *варить* (кашу) vs. *сварить*₂ – *сваривать* (рельсы, трубы); *поставить*₁ – *ставить* (чайник на стол) vs. *поставить*₂ – *поставлять* (чайники из завода в магазин). В отличие от этого в типе (I) бесприставочная основа может употребляться в том же значении, что и основа НСВ, полученная вторичной суффиксацией. Далее здесь отмечается, что в таком случае бесприставочный глагол более характерен для неформальной речи, в частности, тогда, когда говорящий в силу своей деятельности (профессии или просто по навыкам) имеет особенно близкое отношение к денотату глагола (см. Зализняк и др. 2015: 59, 231). Так, например, среди диалектологов вполне привычно говорить, что *магнитофон хорошо пишет* (= *записывает*), репортер может прокомментировать действие спортсмена тем, что тот *жмет штангу* (= *выжимает*), а инквизитор мог потребовать, чтобы *ведьму жгли* (= *сжигали*). Соответственно по-польски можно услышать в деревне, что *klują* (= *zakłuwają*) *świnie* или *biją* (= *zabijają*) *świnie*, а бухгалтер может сказать, что *pali* (= *spala*) *papiery*.

Замечание Зализняк и соавторов верно, однако оно не может считаться объяснением значения бесприставочного глагола в тройках типа (I). Тем более оно не объясняет, почему простая основа может употребляться даже тогда, когда коррелирующая основа НСВ с приставкой и вторичным суф-

фиксом обозначает концепт с заметным лексическим отрывом (см. ниже). Такие наблюдения сами нуждаются в объяснении, а объяснение нужно искать в диахронии – простые основы ведут себя консервативно – и в коммуникативных навыках: если говорящий может считать, что для собеседников специфический характер действия вытекает из ситуации или априорных знаний, то уточнение действия с помощью приставки лишнее. ‘Фамильярный характер’ является следствием, а не причиной этой коммуникативной установки. Важно отметить, что этот эффект (и его причина) может до известного предела возникать независимо от того, насколько приставочный дериват можно считать естественным или специализированным перфективом.

В связи с этим обратим внимание, что Зализняк и др. (2015: 261) допускают возможность, что от одной простой основы образуется более одного естественного перфектива потому, что исходный имперфектив (= простая основа) может обладать широкой семантикой. В таком случае значение каждого приставочного перфектива возникает в результате ‘спецификации’ его значения, вносимой данной приставкой. Авторы (со ссылкой на Veugens 1980: 164) приводят пример с *сохнуть* и его вторичными имперфективами: *белье высыхает, мостовая просыхает, цветы засыхают*. В этом наблюдении тоже отражаются отголоски прежнего состояния, которое было проиллюстрировано в §4.1. Но необходимо также спросить, что понимается под широкой семантикой: это диффузность или уже полисемия? Если *высыхать, просыхать* и *засыхать* выражают разные значения, а *сохнуть* может употребляться на месте любого из этих вторичных имперфективов, то семантическую альтернативу (или гибкость) этого бесприставочного глагола следует считать примером полисемии.

Итак, Зализняк и коллеги не только признают эффект Вея-Схонефельда, но и указывают на него в приставочных дериватах СВ от заимствованных основ; например, *за-асфальтировать, от-реагировать, про-инспектировать, рас-классифицировать* (Зализняк и др. 2015: 93). Однако они переносят этот вопрос из области аспектологии в область словообразовательной семантики (см. Зализняк и др. 2015: 267, 277, 282), потому что решающим критерием при определении видовой парности является возможность замены СВ → НСВ в событийном значении (см. §2.4). При этом наиболее распространенной (и, тем самым, грамматически значимой) морфологической операцией является вторичная суффиксация. На этом фоне простые основы НСВ рассматриваются как своего рода ‘наемные рабочие’, которые при определенных обстоятельствах могут выполнять ту же грамматическую роль, что и основы СВ, полученные путем вторичной суффиксации. Хотя простые основы часто и служат исходной точкой для семантической и морфологической деривации, но при определении парности исходной точкой всегда выступают основы СВ (которые в своем большинстве приставочные). Поэтому Зализняк и коллеги и говорят о депрефиксации в чисто синхронном смысле, а не о том, что какая-либо простая основа НСВ распространяется приставкой и при этом может образовать естественный перфектив. В этом отношении теоретические предпосылки группы Л. Янды идут в прямо про-

тивоположном направлении, ее представители в первую очередь интересуются связью между семантической мотивацией (т.е. словообразовательной семантикой) и образцами образования пар, причем при определении пар замена в событийной функции играет не главную роль¹⁶.

В итоге роль троек в русской видовой системе Зализняк и соавторы оценивают так: «Видовая пара – это абстрактное отношение субституции в контекстах обязательной имперфективации, формирующее русский вид как грамматическую категорию. Тот факт, что многие русские приставочные глаголы сов. вида вступают в такую корреляцию с двумя разными глаголами несов. вида, означает только, что в этом участке системы, помимо собственно аспектуальной корреляции, в игре участвуют также парадигматические отношения лексической синонимии. Видовая тройка – результирующая этих двух факторов» (Зализняк и др. 2015: 247, см. также стр. 282).

С этой характеристикой можно в принципе согласиться. Нельзя, однако, упускать из виду, что такая характеристика предполагает особенно далеко продвинутую стадию эволюции видовой системы, которая включает не только систематический охват глагольного словника (точнее: лексем, выражаемых глагольными основами) парными отношениями, но и тесное взаимодействие с другими категориями на уровне глагольных словоформ (например, с временем) и предложения (например, с отрицанием). Иначе нельзя было бы объяснить возникновение контекстов обязательной имперфективации, на которых Зализняк и соавторы делают такой акцент и которые еще ранний Маслов положил в основу тривиальных условий видовой парности. Такие контексты к тому же предполагают образование пар от основ СВ к основам НСВ: исходным пунктом в онтологии вещей являются события, а на стороне морфологии – приставочные глаголы. По крайней мере эта морфологическая исходная точка полностью переворачивает диахронное развитие. В конце концов, сильный упор на вторичную суффиксацию, вместе с масловскими тривиальными условиями, очень сильно ориентированы на видовую систему современного русского литературного языка.

5. Выводы

Подведем итоги, начиная с оценки троек. Можно сказать, что тройки являются следствием того, что бинарный характер видовой оппозиции (НСВ: СВ) сталкивается с продуктивным применением словообразовательных аф-

¹⁶ Подход группы Л. Янды отличается практически от всех остальных тем, что Янда и др. при определении видовых троек отталкиваются от приставочных дериватов, которые по отношению к простым основам образуют естественные перфективы (см. Kuznetsova, Sokolova 2016: 219). В связи с этим существенно, что не принимается за исходную точку возможность интерпретации простых основ НСВ как результатов депрефиксации.

фиксов по разным моделям, образующим парные отношения. Аффиксы различного времени возникновения и обладающие различной продуктивностью, наслаиваясь друг на друга, влияют на долю преобладания образования либо приставочных основ СВ из простых основ НСВ, либо вторичной суффиксации (см. образцы (а) и (b) в Схеме 1). Количество и состав отдельных приставок, способных образовать естественные перфективы, по всей видимости, в течение всего наблюдаемого периода развития не изменились, но изменился статус префиксации как таковой, причем в неравной мере по отдельным ареалам Славии. Приставок больше, чем суффиксов, к тому же суффиксация как прием расширения основ старше, чем префиксация (см. §3.3). Но продуктивность суффиксации не уменьшалась и после того, как префиксация уже оставила свой неустрашимый след в глагольной морфологии и аспектуальных свойствах простых и производных основ (см. Схему 3). При этом существенна роль не отдельных аффиксов, а соотношение между моделями образования: эти модели перекрещиваются, и их удельный вес в истории русского языка перемещается в сторону вторичной суффиксации; в какой мере это верно для остальных славянских языков, еще требуется установить эмпирически.

Далее, установить грань между естественными и специализированными перфективами нелегко (а часто и невозможно для прежних состояний славянских языков), но от нее в конечном счете зависит определение критериев парности, а также косвенно и состав троек. Споры о парности и о собственно видовом (т.е. грамматическом) характере расширения основ обычно велись и продолжают вестись по отношению к парам, в которых морфологически производным членом является основа СВ (с приставкой). Представители разных направлений признавали, что славянский вид приобретает грамматический характер в первую очередь в силу вторичной имперфективации. Однако, видимо, такой взгляд в большой степени сложился на основе восточнославянского материала, а его правомерность по отношению к остальному славянскому ареалу, по сути дела, никто не подвергал сколько-нибудь последовательной проверке. Поскольку вторичная имперфективация относится к типологически редким явлениям, а на территории Европы (и в прилегающих регионах) она является прерогативой славянских языков, то вторичной имперфективации для видовой системы приписывается значимость, которая, с одной стороны, эту систему четко выделяет на ареальном и типологическом фоне. С другой стороны, легко поневоле или сознательно оказаться в положении, когда свойства этой системы обобщаются и переносятся на другие языки (в том числе на славянские), в которых вторичная суффиксация функционально менее нагружена или вовсе отсутствует, так что в принципе только приставки (или шире, превербы) способны служить выражением чисто акциональных значений, а явления наподобие эффекта Вея-Схонефельда приобретают гораздо более вескую значимость для всей системы.

С этими соображениями связана и особая проблема, которую для сопоставительной славянской аспектологии создает строгое применение крите-

рия Маслова. Его жесткое применение допускает определение ‘законных’ видовых пар только в направлении от СВ к НСВ, потому что в основу кладется событийное (стержневое для СВ) значение. Таким образом, вне парности оказываются огромные группы неопредельных лексем, которые регулярно образуют делимитативы (не говоря о других группах, наверное, менее многочисленных и семантически неоднородных). Поэтому вопрос сводится к тому, как строго нужно определять функциональные отношения внутри пары основ НСВ : СВ, в частности, насколько строго определяется их лексическое тождество и, сверх того, онтологическое соответствие (замена СВ → НСВ при сохранении событийного значения). Вместе с тем, нужно осознавать, что подобная онтологически точная замена симптоматична для очень продвинутой стадии развития словоклассифицирующей видовой системы: сама необходимость такой замены обусловлена тем, что выбор вида стал входить во все более тесные отношения с другими глагольными категориями (прежде всего со временем) и категориальными оппозициями на уровне предложения (см. Вимер 2001; Wiemer 2002; 2008; 2015).

Не исключено, что за стремлением рассматривать в качестве ‘настоящих’ видовых пар единственно пары, полученные путем вторичной суффиксации, в известном пределе скрывается и желание лингвиста увидеть равномерность (или даже однообразие) в формальной (т.е. словообразовательной) процедуре, создающую грамматическую оппозицию. Об этом судить трудно. Но такое желание перекликалось бы с третьим параметром грамматикализации Ф. Леманна (см. §2.3): «Формы образуют максимально регулярные оппозиции». В соответствии с этим параметром сокращение количества схем основообразования, точнее, тенденция ко все большему преобладанию вторичной имперфективации и уменьшение значимости модели НСВ (simplex) ⇒ СВ (путем префиксации) говорит в пользу грамматикализации¹⁷. Конечно, то же самое следовало бы сказать, если бы тенденция была обратной и в современных славянских языках сосуществовали бы обе модели, пусть даже на неравных правах.

Как на фоне этого следует оценивать результаты исследования Janda, Lyashevskaya 2011, согласно которому для определения функциональных «профилей» видовых пар в среднем не играет роли, по какой из двух моделей образованы пары (см. §2.1)? Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что состояние системы по третьему параметру Ф. Леманна находится довольно далеко от идеала. При этом с точки зрения других параметров, особенно первого («Известный состав функций распределяется на все основы данной части речи.»), факт, установленный в работе Л. Янды и О.Н. Ляшевской, говорит скорее об обратном: независимость функциональных профилей от формальных образцов образования парных отношений между основами СВ и НСВ нужно расценивать как следствие их всеобъемлющего характера, и этот факт, в свою очередь, конечно, обусловлен тем, что по

¹⁷ Тогда в формулировке третьего параметра Ф. Леманна уместно заменить «формы» на «образцы» или «модели образования».

второму и четвертому параметрам Ф. Леманна (2. «Формы и функции obligatory», 4. «Функции образуют максимально абстрактные оппозиции») видовая система тоже весьма продвинута.

Видимо, параметры Ф. Леманна друг с другом могут вступать в конфликт. В связи с этим, и в завершение статьи, я хочу указать на некий парадокс. Вспомним, что видовые тройки формируются тогда, когда простые основы НСВ обладают внутренним пределом (см. Зализняк и др. 2015: 281 и сл.) и образованные от них основы СВ можно считать естественными перфективами, т.е. они возникли вследствие эффекта Вея-Схонефельда. Делимитативы, видимо, стали образовываться на другом основании.

Если же отказаться от принципа тривиальной парности (в наиболее строгом варианте) и учесть, что четкое дополнительное распределение по акциональным функциям может складываться также между неопределенными, но соотносительными основами СВ и НСВ, то префиксация приобретает намного большее значение для грамматического вида, потому что образование таких пар является прерогативой модели НСВ (simplex) \Rightarrow СВ (+ приставка). Делимитативы олицетворяют чисто акциональные дериваты, поскольку приставку *по-* можно считать перфективатором, но не телисизатором. Как раз в современном русском языке делимитативы соответствуют продуктивному образцу основопроизводства, и за их счет намного увеличивается регулярность видовой системы как в формальном, так и в функциональном отношении. Они всего лишь не выполняют критерий онтологического тождества (см. §2.4). Вместе с тем, в монографии Аркадьев 2015 указывается на то, что в языках, в которых приставки (или другие типы превербов) начинают создавать видовую систему, телисизация развивается раньше перфективации (см. §3.2). Этой закономерности отвечают и славянские языки (см. §3.3). Результаты исследования П.М. Аркадьева говорят также о том, что системы с перфективирующими приставками более грамматикализованы, чем системы, в которых приставки только телисизируют (см. Аркадьев 2015: 201).

В итоге получается парадокс: тот тип приставок, который не зависит от предельности основ и который есть основания считать признаком наиболее продвинутой стадии грамматикализации словоклассифицирующего вида и который в русском языке особенно продуктивен, исключается из рассмотрения, если собственно видовую парность определяют только на масловских критериях, причем со строгим соблюдением онтологического тождества при замене основы СВ основой НСВ. Нельзя не признать разумность этих критериев и проницательность раннего Маслова и его современных последователей. Однако в известном смысле эти критерии заводят нас в тупик.

Как выбраться из этого тупика? Я затрудняюсь ответить. Но, видимо, вывести из тупика нас может только двух- или даже многоуровневый подход к описанию видовой системы: все те значения, которые свойственны контекстам тривиальной замены глагола СВ глаголом НСВ, образуют один уровень, тогда как значения, связанные с лимитацией действий, независимой от предельного или неопределенного характера глагольной лексемы (или клаузы), занимают другой уровень. При этом в еще одну, третью группу можно

выделить часть значений из первого уровня, а именно те, которые связаны с дистинктивной многократностью. Частные значения из всех трех уровней достаточно регулярно вступают в конфликт, а видовые системы разных (славянских и неславянских) языков тогда охватываются с помощью индивидуальных иерархий взаимодействующих факторов, причем место в иерархии определяется удельным весом каждого из факторов. Такой подход в известной степени напоминает выдвинутое в [Плунгян 2011: 377-402] предложение развести видовые значения на линейные и вторичные. Однако предложенный мной разноуровневый подход лишь частично покрывается с группами значений у В.А. Плунгяна. Причина здесь в том, что я больше ориентируюсь на классические масловские критерии, отрывая от них единственно многократные значения, которые, в свою очередь, у Плунгяна включены во вторичную группу. Конечно, эти рассуждения следует дальше разрабатывать и проверять на предмет адекватности материалу, каковым является частично различное функционирование видовых систем славянских языков.

Библиография

- Авилова 1964: Н.С. Авилова, *Изменения в системе глагола: Развитие видовых соотношений глагола. Развитие приставочного глагольного словообразования*, in: В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова (ред.), *Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964, 7-104.
- Апресян 1995: Ю.Д. Апресян, *Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре*, in: Ю.Д. Апресян, *Избранные труды, т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва 1995, 102-113.
- Аркадьев 2015: П.М. Аркадьев, *Ареальная типология префиксального перфектива*. Москва 2015.
- Аркадьев, Шлуинский 2015: П.М. Аркадьев, А.Б. Шлуинский, *Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии*, “Вестник Санкт-Петербургского университета”, сер. 9, вып. 3, 2015, 4-24.
- Вимер 2001: Б. Вимер [Wiemer], *Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации)*, “Вопросы языкознания”, 2, 2001, 26-58.
- Горбова 2015: Е.В. Горбова, *Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация?*, “Вопросы языкознания”, 1, 2015, 7-37.

- Горбова 2016: Е.В. Горбова, *Вторичная имперфективация русского глагола по данным корпусного исследования*, “*Język i Metoda*”, 2016, 147-158.
- Горбова 2017: Е.В. Горбова, *Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор граммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии)*, “*Вопросы языкознания*”, 1, 2017, 24-52.
- Зализняк, Шмелев 1997: Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев, *Лекции по русской аспектологии*, München 1997.
- Зализняк, Микаэлян 2012: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, *О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды*, “*Вопросы языкознания*”, 6, 2012, 48-65.
- Зализняк и др. 2015: Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев, *Русская аспектология: в защиту видовой пары*, Москва 2015.
- Кронгауз 1998: М.А. Кронгауз, *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*, Москва 1998.
- Кузнецова, Янда 2013: Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда, *Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А.А.Зализняк и И.Л. Микаэлян)*, “*Вопросы языкознания*”, 4, 2013, 87-96.
- Маслов 1990: Ю.С. Маслов, *Вид*. in: *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, 83-84.
- Маслов 2004а [1948]: Ю.С. Маслов, *Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 71-90. [Репринт из: “*Известия АН СССР*”, т. 7, вып. 4, 303-316.]
- Маслов 2004б: Ю.С. Маслов, *Специфика видо-временной системы болгарского глагола*, in: Ю.С. Маслов, *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание*, Москва 2004, 118-131.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*: www.ruscorgo.ru
- Падучева 1996: Е.В. Падучева, *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*, Москва 1996.
- Петрухина 2000: Е.В. Петрухина, *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*, Москва 2000.

- Плунгян 2011: В.А. Плунгян, *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*, Москва 2011.
- Силина 1982: В.Б. Силина, *История категории глагольного вида*, in: Р.И. Аванесов, Вяч.Вс. Иванов (под ред.), *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1982, 158-279.
- Храковский 1987: В.С. Храковский, *Кратность*, in: А.В. Бондарко (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, Ленинград 1987, 124-152.
- Шевелева 2010: М.Н. Шевелева, *Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII-XVI вв.*, "Русский язык в научном освещении", 20, 2010, 200-242.
- Andersen 2009: H. Andersen, *On the origin of the Slavic aspects: Questions of chronology*, in: V. Bubenik, J. Hewson, S. Rose (eds.), *Grammatical change in Indo-European languages* (Papers presented at the workshop on Indo-European linguistics at the XVIIIth International Conference on Historical Linguistics, Montreal, 2007), Amsterdam-Philadelphia 2009, 123-140.
- Arkadiev 2014: P. Arkadiev, *Towards an Areal Typology of Prefixal Perfectivization*, "Scando-Slavica", 60 (2), 2014, 384-405.
- Benacchio 2010: R. Benacchio, *Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ*, München 2010.
- Bermel 1997: N. Bermel, *Context and the Lexicon in the Development of Russian Aspect*, Berkeley 1997.
- Comrie 1976: B. Comrie, *Aspect (an introduction to the study of verbal aspect and related problems)*, Cambridge etc. 1976.
- Dickey 1998: St. M. Dickey, *Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. the Phase Verb stat' and Procedural za*, "Journal of Slavic Linguistics", 7 (1), 1998, 11-4.
- Dickey 2000: St. M. Dickey, *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*, Stanford, CA 2000.
- Dickey 2005: St. M. Dickey, *S-/Z- and the Grammaticalization of Slavic Aspect*, "Slovene Linguistic Studies", 5, 2005, 3-55.
- Dickey 2011: St. M. Dickey, *The varying Role of po- in the Grammaticalization of Slavic Aspectual Systems: Sequences of Events, Delimitatives, and German Language Contact*, "Journal of Slavic Linguistics", 19 (2), 2011, 175-230.

- Eckhoff, Haug 2015: H. Eckhoff, D. Haug, *Aspect and prefixation in Old Church Slavonic*, "Diachronica", 32 (2), 2015, 186-230.
- Janda, Lyashevskaya 2011: L. Janda, O. Lyashevskaya, *Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian*, "Cognitive Linguistics", 22 (4), 2011, 719-763.
- Janda et al. 2013: L. Janda, A. Endresen, Ju. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova, *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty (Prefixes As Verbal Classifiers)*, Bloomington, In 2013.
- Koschmieder 1934: E. Koschmieder, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie*, Wilno 1934.
- Kuznetsova, Sokolova 2016: Ju. Kuznetsova, S. Sokolova, *Aspectual triplets in Russian: semantic predictability and regularity*, "Russian Linguistics", 40, 2016, 215-230.
- Chr. Lehmann 1995: Chr. Lehmann, *Thoughts on grammaticalization*, München-Newcastle 1995.
- V. Lehmann 1999a: V. Lehmann, *Aspekt*, in: H. Jachnow, *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*, Wiesbaden 1999, 214-242.
- V. Lehmann 1999b: V. Lehmann, *Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion*, in: T. Anstatt (ed.), *Entwicklungen in slavischen Sprachen*, München 1999, 169-254.
- Maslov 1959: Ju. S. Maslov, *Zur Entstehungsgeschichte des slavischen Verbalaspektes*, "Zeitschrift für Slawistik", 4, 1959, 560-568.
- Mende 1999: Ju. Mende, *Derivation und Reinterpretation: Die Grammatikalisierung des russischen Aspektes*, in: T. Anstatt (ed.), *Entwicklungen in slavischen Sprachen*, München 1999, 285-325.
- Němec 1958: I. Němec, *Genese slovanského systému vidového*, "Rozpravy Československé Akademie Věd", 68 (7), Praha 1958.
- Pollak 1960: W. Pollak, *Studien zum „Verbalaspekt“ im Französischen*, Wien 1960.
- Śmiech 1986: W. Śmiech, *Derywacja prefiksalna czasowników polskich*, Wrocław etc. 1986.
- van Schooneveld 1958: C.H. van Schooneveld, *The so called 'préverbes vides' and neutralization*, in: *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*, Moscow, September 1958, The Hague 1958, 159-161.
- Vey 1952: M. Vey, *Les préverbes "vides" en tchèque moderne*, "Revue des études slaves", 29 (1-4), 1952, 82-107.

- Veyrenc 1980: J. Veyrenc, *Études sur le verbe russe*, Paris 1980.
- Wiemer 2002: B. Wiemer, *Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slawisch-baltischen Areal* (хабилитация, на правах рукописи), Konstanz 2002.
- Wiemer 2008: B. Wiemer, *Zur inner-slavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren*, in: K. Gutschmidt, U. Jekutsch, S. Kempgen, L. Udolph (eds.), *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongreß, Ochrid 10.-16. September 2008*, München 2008, 383-409.
- Wiemer 2015: B. Wiemer, *О роли вида в области кратности и прагматических функций (эскиз с точки зрения хрономии)*, in: R. Benacchio [Bennak'о] (ed.), *Glagol'nyj vid: grammatičeskoe značenie i kontekst/ Verbal aspect: Grammatical meaning and context* (Sbornik dokladov III Konferencii Aspektologičeskoj Komissii, sostojavšejsja v Padue s 30.9. po 4. 10. 2011), München 2015, 585-609.
- Wiemer, Seržant 2017: B. Wiemer, I.A. Seržant, *Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us?*, in: W. Bisang, A. Malchukov (eds.), *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*, Berlin 2017, 230-307.
- Witkowska-Gutowska 1999: M. Witkowska-Gutowska, *Staropolskie prefiksalne dublety czasownikowe i ich współczesne odpowiedniki*, Łódź 1999.

Abstract

Björn Wiemer

On the role of prefixes and suffixes in earlier and later stages of the history of Slavic aspect

The grammatical opposition of perfective vs. imperfective aspect in Slavic can best be captured as a classificatory category. Aspect assignment depends on patterns of stem derivation in which the significance of prefixes and suffixes has to be considered jointly. Perfective stems are predominantly derived by prefixes from simplex stems; in most cases the prefixes modify the lexical meaning of simplex stems, but there is a considerable number of prefixes that only specify a meaning component inherent to the simplex form, up to the point that they seem devoid of meaning. As a consequence, pairs of an imperfective simplex and a perfective prefixed stem arise. Simultaneously, suffixation of prefixed stems has been spreading as a means to derive imperfective stems from (usu-

ally prefixed) perfective stems, which yields the so-called secondary imperfectivization. While the morphological preconditions for the joint contribution of prefixes and suffixes to the derivational patterns of stems had been created already by the Common Slavic period, both “techniques” have since then been strengthened. Suffixation has gained more significance especially in standard Russian, but prefixation has never ceased to be active, and the intersection of both prefixation and suffixation led to the rise of so-called ‘aspect triples’ (Russ. *vidovye trojki*). The article assesses the relative weight of prefixes and suffixes in the early and recent stages of the history of Slavic aspect. Their significance is evaluated on the background of properties of the entire system in terms of grammaticalization parameters appropriate for classificatory categories. Special attention is paid to the criteria on which aspectologists have been determining aspect pairs and to the status of aspect triples. The assessment of the system properties ends up with a paradox; it results if one strictly abides by the Maslovian criteria of “trivial pairedness”, which, in practice, require not only the identity of lexical meaning, but also an ontology for which telic events are the sole basis for the derivation of aspect pairs.

Keywords: Slavic aspect, classificatory categories, stem derivation, aspectual pairedness, aspect triples